

2. Борзова Е. П. Проблемы всеобщего в философии Гегеля / Е. П. Борзова. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та экономики и финансов, 1992. – 142 с.
3. Вейль Э. Гегель и государство / Э. Вейль. – СПб. : Русский Миръ, Владимир Даль, 2009. – 283 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет : в 2 т. / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1972. – Т. 1 – 668 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. Философия истории / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. – М. : Эксмо, 2007. – 880 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
7. Гегель Г. В. Ф. Философская пропедевтика / Г. В. Ф. Гегель // Работы разных лет : в 2 т. – М. : Мысль, 1973. – Т. 2. – 630 с.
8. Коротких В. И. О новом понимании структуры системы философии Гегеля / В. И. Коротких // Вопр. филос. – 2003. – № 4. – С. 26–28.
9. Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества / Д. Лукач. – М. : Наука, 1987. – 614 с.
10. Нерсесянц В. С. Философия права Гегеля / В. С. Нерсесянц. – М. : Юрист, 1998. – 352 с.

Надійшла до редколегії 24.01.11

УДК. 316.37

В. И. Палагута

Национальная металлургическая академия Украины

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА БАЗИСНОЙ МОДЕЛИ СУБЪЕКТИВНОСТИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

У світлі розробки конструктивістсько-топологічної мікрорівневої соціальної теорії самоідентифікації проаналізовано базові принципи трьох сучасних моделей мовного суб'єкта.

Ключові слова: суб'єкт, суб'єктивність, полісуб'єктивність, дискурс, дискурсивні простори, мікросоціум, самовизначення суб'єкта.

В свете разработки конструктивистско-топологической микроуровневой социальной теории проанализированы базовые принципы трех современных моделей языкового субъекта.

Ключевые слова: субъект, субъективность, полисубъективность, дискурс, дискурсивные пространства, микросоциум, самоопределение субъекта.

The base principles of three contemporary models of language subject are analyzed in the light of development of constructive and topological micro level social theory of self-identification.

Keywords: subject, subjectivity, polysubjectivity, discourse, discursive spaces, micro society, self-determination of subject.

Анализ публикаций по актуальным вопросам современной философии и социальной теории, ориентированных на изучение проблемы субъективности, свидетельствует об устойчивой тенденции «возвращения» субъекта в исследовательское поле социально-гуманитарных наук, и прежде всего, в плане создания современной социальной теории¹. Подобная исследовательская установка

© Палагута В. И., 2011

¹ К наиболее интересным исследованиям по вышеуказанной проблеме, изданным в последнее время на русском языке, можно назвать следующие работы: Агамбен Дж. Грядущее сообщество / Дж. Агамбен; пер. с ит. – М. : Три квадрата, 2008. – 144 с.; Азаренко С. Сообщество тела / С. Азаренко. – М. : Академический Проект, 2007. – 239 с.; Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер с англ. – М. : Логос, 2005. – 390 с.; Бауман З. Текущая современность / З. Бауман; пер с англ. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.; Гуревич П. Расколотасть челове-

предполагает пересмотр и переопределение концепта «субъект», но уже на качественно иной теоретической основе и в новом социокультурном контексте. Если кратко охарактеризовать данный социокультурный контекст формирования новой парадигмы субъективности, то он носит многоаспектный и системно недетерминированный, нелинейный характер, а в направлении дальнейшего формирования парадигмы познания современного социума – характеризуется сменой теоретических установок, методологической многоплановостью и относительной равнозначностью принципов, символическим конструированием и представлением социальной реальности, междисциплинарностью и комплексностью для создания субъектно-ориентированной социальной теории.

В контексте складывающейся современной социальной теории и расширения границ социально-философского познания «возрождение» интереса к исследованию субъективности происходит сразу в двух взаимосвязанных направлениях. Первое: в направлении переосмысления самой проблематики субъективности как таковой, ее исследование в контексте формирующегося в последнее время нового представления о человеке, с одной стороны, как об активном, деятельном социальном субъекте, без которого невозможно осуществление преобразований на всех уровнях существования социума. Этот тип субъективности наиболее отчетливо выражен в философской герменевтике и коммуникативной философии, сделавших акцент на разработке модели интерсубъективных отношений индивидов¹. С другой стороны, в контексте исследований структурализма, постструктурализма, семиологии и философии языка обозначился пристальный интерес к изучению исходной – допредикативной природы субъективности, определяемой глубинными механизмами действия бессознательного, его языковой структурированностью, и предполагающим обращение к досубъективным фундаментальным целостностям, в конечном итоге, задающим онтологические измерения субъекта. Речь здесь идет о том, что современные исследования отчетливо указывают на неразработанность самой методологии анализа существующих типов конституирования субъективности, что делает актуальным реконструкцию исходных досубъективных оснований индивида. А именно: прослеживание генезиса изначально пассивной субъективности, ее динамики становления, напрямую связанной с установлением особого онтологического отношения в дискурсивных практиках субъекта и обнаружении допредикативного, доэтического, доидеологического пространства языка, внутри которого пребывает субъект и где он обретает онтологический опыт значимости «живого» слова. В таком онтологическом опыте обретения субъектом языка как дискурса акцент смещается на выявление досубъективных порождающих моделей, и где возникает ситуация исходного или «базального» (М. Хайдеггер) конституирования субъективности. Речь здесь идет о качественно новых теоретических моделях, представляющих процесс субъективации, дифференцирующе-

ческого бытия / П. Гуревич. – М. : ИФ РАН, 2009. – 199 с.; Иваненко Е. Зеркало и субъективность, или рефлексы рефлексии / Е. Иваненко, М. Корецкая, Е. Савенкова // *Mixtura verborum* / 2007: сила простых вещей. – Самара : Самар. гуманит. акад., 2007. – С. 3–22.; Погоняйло А. Мишель Фуко: История субъективности / А. Погоняйло // Фуко М. Герменевтика субъекта, курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. – СПб. : Наука, 2007. – С. 597–662. и др.

¹ Апель К.-О. Трансформация философии / К.-О. Апель; пер. с нем. – М. : Логос, 2001. – 344 с.; Гадамер Х.-Г. Человек и язык / Х.-Г. Гадамер; пер. с нем. // *От Я к Другому*: Сборник переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. – Мн. : Минск, 1997. – С. 130–142.; Рикер П. Я-сам как другой / П. Рикер; пер. с фр. – М. : Изд-во гуманитарной литературы, 2008. – 416 с.; Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас; пер. с нем. – СПб.: Наука, 2001. – 417 с.; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас; пер. с нем. – СПб. : Наука, 2001. – 377 с.; Хабермас Ю. Понятие индивидуальности / Ю. Хабермас; пер. с нем. // *О человеческом в человеке*. – М. : Политиздат, 1991. – С. 195–206.; Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / М. Хайдеггер; пер. с нем. – СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 2001. – 446 с.; Хайдеггер М. Что зовется мышлением? / М. Хайдеггер; пер. с нем. – М. : Издательский Дом «Территория будущего», 2006. – 320 с. и др.

щихся в понимании соотношения феномена субъективности и его дофеноменальных порождающих механизмов и условий.

Второе важнейшее направление исследования как проблемы субъективации, так и проблемы «включения» субъекта в социальные измерения бытия было предопределено трансформацией и теории субъекта, и современной социальной теории, которые принципиально иначе рассматривают и саму субъективность и проблему «включенности» субъекта (в частном случае – процесс его социализации) в социальную реальность, нежели классическая и неклассическая ее разновидности. Следует здесь отметить, что интенсивное применение новых подходов в социально-гуманитарных науках обусловливается глубоким кризисом традиционных – объективистских подходов, долгое время доминировавших в социально-гуманитарных науках. Так, решение вышеозначенной проблемы субъективации объективистскими подходами в социально-гуманитарных науках приводило либо к трансцендентализму и субстанционализму, либо к субъективизму традиционной теории субъекта. Не лучшим образом обстояло дело и в социальной психологии, где длительное время доминировал бихевиоризм и теория потребностей, и в классическом психоанализе, где преобладал биологизм и «Эго-психология». Наиболее актуальным в этой связи является проблема создания всеобъемлющей постнеклассической теории субъекта, которая станет основой для применения субъектно-ориентированного подхода. Ключевым положением в данной теории субъекта является тезис о том, что субъективность не есть субъективностью самой по себе, что ее непосредственность отнюдь не выражает смысл объективной реальности.

В свою очередь, это позволит преодолеть односторонность классической и неклассической социальной теории, применявших объективистский подход к решению проблемы «вхождения» субъекта в социальные измерения бытия, что редуцировало субъекта или к функции социальных отношений в функционализме или к готовой структуре в структурализме, доминировавших в социологии и социальной антропологии, и где субъект рассматривался как средне-статистическая, заменимая единица. Речь здесь идет о том, что утверждающийся сейчас в социально-гуманитарных науках субъектно-ориентированный подход вынуждает переопределить сами понятия «субъект» и «субъективность» и иначе решать проблему взаимоотношения субъект – социальная реальность – социум, нежели традиционный – объективистский подход. Поэтому современная теория субъекта и постнеклассическая социальная теория активно задействуют новые конструкты в изучении субъективности. Так, наравне с переопределением концептов «субъект» и «субъективность» возникла потребность в расширенной трактовке многоуровневости современного субъекта, понимаемого не иначе как множественная субъективность или полисубъективность. Подобная трансформация в понимании субъективности определяет задачу изучения самой динамики ее становления, а также исследования досубъективных неочевидных целостностей и механизмов их конституирования, которые позволяют субъективности выражать нечто большее, нежели свою непосредственную природу. Сформулированная таким вот образом проблема субъективности означает переориентацию исследования с сознательно-бессознательного волевого фундирования субъективной активности на изучение условий зарождения и генезиса как бы пассивной, еще зарождающейся субъективности, что возможно при социальном опосредовании субъекта особого рода дискурсивной реальностью языка как речи. Иначе говоря, основными теоретическими подходами к решению данной проблемы являются те, которые предлагают свое понимание соотношения феноменальной области субъективности и ее дофеноменальных порождающих механизмов. Здесь можно выделить три типа конституирования процесса субъективации, представленные определенной моделью субъективности.

Первая модель субъективности опирается на краеугольное положение об особой онтологической природе языка, в пространстве событийности которого совпа-

дают бытие и субъективность. Как говорилось ранее, данное положение представлено, прежде всего, философской герменевтикой и коммуникативной философией, восходящими к базовым идеям немецкого романтизма об универсальной значимости языка как структурирующего образования субъективности. Наиболее полно этот теоретический подход выражен в работах К.-О. Апеля, Х.-Г. Гадамера, П. Рикера, Ю. Хабермаса, М. Хайдеггера.

Ко второй модели субъективности можно отнести структуралистскую модель, представленную в первую очередь структуралистской концепцией языка Ф. де Соссюра. Швейцарский лингвист рассматривал язык как целостную систему, с устоявшейся структурой значений, внешним образом задающей субъективность через стабильные и однозначно определенные связи между означающими и означаемыми. Ф. де Соссюр полагал, что субъект каким-то образом может занять внешнюю или трансцендентную позицию по отношению к языку.

Третья модель, исследующая конституирование дофеноменальных порождающих механизмов субъективности, представлена в теориях субъективации постмодернистской философии и постструктурализме, прежде всего, работами Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза и Ф. Гваттари, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотара, Н. Фэркло и других. Существенный вклад в его утверждение, предельно расширяющих возможности языка как дискурса, внесла теория языковых игр «позднего» Л. Витгенштейна¹ [1]. Данная модель субъективности ориентирована на изучение *социальных контекстов* зарождения и генезиса языковых значений. Основным смыслом данной модели субъективности, указующей на третий тип конституирования процесса субъективации, связан с утверждением положения об *изначальной доязыковой* – этико-эстетической, идеологической и т. д. области социальных практик, решающим образом определяющей значения процессуального пространства языка и его многочисленных дискурсивных практик или языковых игр, в которые непрерывно «погружен» субъект социального действия.

В определенном смысле модификацией третьей модели субъективности, которая непосредственно связана с ориентацией на изучение условий и механизмов зарождения и генезиса изначальной пассивной субъективности, является та ее разновидность, когда сам субъект «возникает» или «рождается» в процессах субъективации, т. е. фиксирует превращение индивида в субъекта. Она представлена в концепции семиотически-топологического субъекта, прежде всего в работах Ж. Лакана, Ю. Кристевой, Дж. Батлер, Р. Барта, С. Жижека, Р. Салецл, Э. Лаклау и Ш. Муфф, где во главу угла ставится исследование субъективности в контексте микросоциальных пространств, структурированных в соответствии с функционированием механизмов «живого» языка, и где язык понимается уже не как опыт бытия или события реальности, не как *само по себе* готовое, структурирующее субъективность языковое образование, но как всеобъемлющая символическая сеть социальных отношений. Лингвистические механизмы данной сети социальных отношений (имя, речь, высказывание, дискурс) и порождают *внутренний опыт* субъективации, или самоопределения, субъекта и совершается через дискурс, или «живые» акты высказывания.

Указанные теоретические подходы к изучению субъективности, на первый взгляд, вполне могут быть соотнесены в едином проблемном поле – они так или иначе исследуют условия и механизмы конституирования субъективности, и фокусируют внимание на языке как решающем факторе, переводящем объективный порядок вещей во внутреннее единство субъективности, что и определяет применение языка в субъективно-ориентированном подходе. Вместе с тем существуют и принципиальные различия. Так, если рассматривать субъективно-ориентированный подход с позиций третьей модели субъективности, то в качестве основной исследовательской стратегии здесь провозглашается установка на изучение ситуативных условий, реляционных позиций, процессуаль-

¹ «Итак, в ходе философствования рано или поздно наступает момент, – пишет Л. Витгенштейн в «Философских исследованиях», – когда уже хочется издать лишь некий нечленораздельный звук. Но такой звук служит выражением только в определенной языковой игре, которую в данном случае следует описать» [1, I, §261. – С. 352–353].

ности и «природы» функционирования нетранзитивных, порождающих механизмов в изначально неопределенных структурах социальной реальности, и делающих акцент на «живой» речи в пространствах «говорения» или в дискурсивных пространствах субъекта. Если вкратце характеризовать данный теоретический подход, то не существует субъекта, независимого от языка, субъективность всегда имманентна языку как живой речи, за пределы которой субъект никогда не может выйти. Более того, субъективность по своей сути – не что иное, как совокупность позиций субъекта в социальной реальности, что практически не рассматривает первая модель субъективности, поэтому субъективность никогда нельзя определить как сущность – это совокупность отношений или позиций, разворачивающихся внутри знаковой системы языка, непрерывно формирующейся социальной структуры, всегда предшествующей субъекту и определяющей сам процесс становления индивида субъектом. Поэтому дискурс как язык является тем универсальным механизмом, посредством которого одновременно, и конституируется субъект в определенной социальной позиции, и устанавливается и поддерживается существующий социально-символический порядок, выраженный в виде определенных структур. В свою очередь, устойчивость или изменчивость той или иной структуры реально зависит от субъекта, а «размытие» субъективности одновременно подразумевает и разрушение социальной структуры как таковой.

В данном контексте имеет смысл привести определения субъекта с учетом его поливариантности и «встроенности» в определенные микросоциальные образования социума. Так, субъект уже более не может рассматриваться при разработке современной социальной теории как обособленная и самодостаточная ментальная или психофизическая данность, бытийствующая в «антропологической пустоте». Иначе говоря, субъект всегда «включен» или заангажирован во множество положений и позиций социальной реальности, поэтому рассматриваться он может только в определенной, фиксированной на данный момент социальной позиции или месте (топосе). Поэтому, давая определение субъекта с точки зрения топологико-конструктивистской социальной теории, можно представить его следующим образом – это характеристика индивида, соотносимая с его местом или позицией в социальном пространстве дискурса. Тогда под субъективностью понимается свойство субъекта, одновременно характеризующее и самого субъекта, и опосредованным образом реально занимаемую им позицию или место в социальном пространстве. Данное понимание субъективности распространяется и на возможные, потенциальные свойства, приобретаемые субъектом в других позициях и местах, которые он может потенциально занимать в социальном пространстве, и манифестированного тем или иным дискурсом. Если предельно общо характеризовать подобную специфику субъективности, то можно представить ее следующим образом: множество субъектов одновременно существующих в одном индивиде и позиционирующихся в различных местах дискурсивного пространства. И, наконец, под полисубъективностью подразумевается неотъемлемый онтологический атрибут субъективности, отсылающий к множеству мест, которые субъект реально или потенциально занимает в социальных пространствах дискурса одновременно, т. е. где он пребывает или может пребывать в одно и то же время. Дискурсивные социальные пространства пересекают, пронизывают, наслаиваются друг друга, конституируя эффект полисубъективности.

И в этой связи актуальным становится дальнейшее развитие данного способа рассуждения, в котором социальная реальность исследуется как система микросоциумов, где социальные отношения рассматриваются не как совокупность дюркгеймовских социальных вещей, подобно физическим вещам или предметам, т. е. понимаемых по-позитивистски – реификационистским образом, а как реляционные, постоянно трансформирующиеся дискурсивные пространства. Именно через данные дискурсивные пространства и происходит преимущественно социализация индивидов – в них индивиды конституируются как субъекты. Поэтому одной из наиболее перспективных исследова-

тельских стратегий становится сейчас топологико-конструктивистская парадигма исследования субъективности, в которой, как выразился социальный тополог П. Бурдье, «слова конструируют социальную реальность в той же степени, в какой они ее выражают» [2, с.198]. Характерной особенностью данной исследовательской стратегии, ориентированной на применение в социальной теории третьей модели субъективности, прежде всего в лакановской ее разновидности, является поиск *баланса* между герменевтикой и феноменологией первой модели субъективности, делающей акцент на свободной самости субъекта, и структурализмом второй модели, опирающейся на языковой детерминизм готовой лингвистической структуры. В частности, в отношении субъективности принципиальным становится положение Ж. Лакана, заключающееся в том, что субъект – не что иное, как совокупность базисных *дискурсивных* отношений¹. Здесь субъект всегда представляет собой игру принципа различия в изменяющихся позициях, игру оппозиций «я» и «другой», разворачивающихся внутри знаковой системы дискурса, системы, значения которой постоянно доформируются через субъекта, и который, в свою очередь, самоопределяется и самоидентифицируется через формирующуюся систему значений языка как дискурса. Тем самым дискурс является тем механизмом, с помощью которого одновременно и конституируется субъект в социальных позициях как символических местах и поддерживается, воспроизводится и регулируется существующий социальный порядок в дискурсивных пространствах самоопределения субъекта.

Именно ориентация на такой подход позволит преодолеть субстанционалистскую парадигму в социальной теории, поскольку субъектно-ориентированный подход изначально предполагает, что в центр социально-философской рефлексии помещается субъект, одновременно и «привязанный» к определенным местам дискурсивных пространств, и вместе с тем непрерывно самоопределяющийся, доопределяющийся и переопределяющийся в социальных пространствах дискурса. Поэтому и предполагается, что последние по своей «природе» являются сугубо символическими образованиями, т. е. дискурсивные пространства как социальные измерения бытия субъекта вполне приемлемо рассматривать как определенную совокупность символических конструкций. А самоопределение субъекта в данных дискурсивных символических структурах достигается за счет многочисленных процессов самоидентификации, поскольку человек по своей исконной природе – истолковывающее и перетолковывающее себя по множеству раз социальное существо, и которому социум создает предпосылки и условия для самоопределения, самоконструирования и самотрансформации в микросоциумах. Вот почему одним из главных одновременно и условием, и результатом самоидентификации индивида является его становление субъектом в социальных пространствах дискурса.

Если с подобной двуединой позиции рассматривать субъекта, тогда в исследовании его как полисубъективности, так и социальных микросоциумов его существования обозначаются новые горизонты, нацеливающие на применение комплексного междисциплинарного подхода и принципиально иначе предполагающие рассмотрение целого ряда вопросов, относящихся к проблеме социального самоопределения субъекта в социальных пространствах дискурса. Это, в свою очередь, предполагает исследование микросоциумов как дискурсивных пространств и их полей, являющихся местом для самоопределения индивидов. Рассмотрение данных вопросов с этих позиций будет способствовать преодо-

¹ «Дискурс представляет собой необходимую структуру, которая выходит далеко за пределы речи, носящей, в отличие от него, характер более или менее случайный, ситуативный, – говорит в 17 семинаре Ж. Лакан. – Все дело в том, что на самом деле дискурс прекрасно может обходиться без слов. Он сохраняется в определенного рода *базовых отношениях*. Эти последние невозможно, строго говоря, без языка поддерживать. Посредством языка как орудия устанавливается некоторое число постоянных связей, внутри которых может, разумеется, оказаться вписано нечто такое, что в границы фактических актов высказывания не умещается» [3, с. 9].

лению извечной дилеммы между индивидуальным и социальным как в теории субъективности, так и в социальной теории.

Библиографические ссылки

1. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн; пер с нем. // Языки как образ мира. – М. : ООО «Изд-во АСТ»; СПб. : Terra Fantastica, 2003. – С. 220–548.
2. Бурдьё П. Начала / П. Бурдьё; пер с фр. – М. : Socio-Logos, 1994. – 288 с.
3. Лакан Ж. Семинары. Книга 17. Изнанка психоанализа (1969/1970) / Ж. Лакан; пер. с фр. – М. : Изд-во Гнозис/Логос, 2008. – 272 с.

Надійшла до редколегії 25.01.11

УДК 101.9

Л. А. Пірог

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ПОТРЕБА У ТВОРЧІЙ САМОРЕАЛІЗАЦІЇ ОСОБИСТОСТІ

Розглянуто сутність терміну та процесу «самореалізації», потреба у творчій самореалізації особистості. Визначено умови самореалізації, проаналізовано негативну самореалізацію в підлітковому віці.

Ключові слова: особистість, самореалізація, потреба в самореалізації, самоактуалізація.

Рассмотрена сущность термина и процесса «самореализация», потребность в творческой самореализации личности. Определены основные условия самореализации, приведен пример негативного аспекта самореализации в подростковом возрасте.

Ключевые слова: личность, самореализация, потребность в самореализации, самоактуализация.

We can look at essence term and process «self-actuality», need in creative self-realism yourself. Outstrip the same condition self-realism, we can look for example at the negative aspect self-realism in the teenage years.

Keywords: personality, self-realism, need in self-realism, self-actuality.

Людина, як суб'єкт процесу соціалізації, не є пасивною істотою. Вона первісно несе в собі імпульси самореалізації та саморуху. Змінюючись і збагачуючись, ця життєва потенція несе в собі потребу і здатність до життєвого самовизначення і самореалізації на основі дії механізмів свободи вибору і свободи дії [4].

Історія вивчення проблеми самовдосконалення й самореалізації сягає тисячоліть. Ще Аристотель і Платон розглядали самоздійснення духовних і фізичних здібностей людини як мету її життя. Вони пов'язували світобудову з питанням про сенс людського життя, про оптимізацію індивідуального потенціалу та суспільного розвитку. У класичній гуманістичній педагогіці особливу увагу проблемам самовиховання і самовдосконалення, як процесам самореалізації, приділяли К. Вентцель, А. Дістервег, Й. Песталоцці, М. Пирогов, Ж.-Ж. Руссо, К. Ушинський та інші вчені.

Сьогодні проблемі самореалізації особистості також приділяють увагу зарубіжні і вітчизняні науковці, зокрема теоретичні основи проблеми самореалізації особистості висвітлюються в дослідженнях зарубіжних психологів А. Маслоу і К. Роджерса. Деякі аспекти самореалізації, як активної пізнавальної і творчої діяльності, розкриваються у працях сучасних вітчизняних науковців – В. Андреева, А. Бойко, І. Іванова, Л. Когана, М. Лазарева, Л. Левченко, В. Лозової, В. Муляра, Л. Рибалко, Л. Сохань та інших учених. Інтерес викликають та-